

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

SECURITY AND INTEGRATION IN ASIAN REGION

УДК 316.334.52

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМОВ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ¹

Д.А. Омельченко, С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: omelchenko@edu.asu.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)3-01

Социальная безопасность в российских регионах определяется комплексом глобальных и общероссийских угроз и уникальными локальными опасностями и рисками, проистекающими из особенностей географического, социального-экономического и социокультурного развития, исторически сложившихся особенностей социальных взаимодействий членов регионального сообщества. Приграничные регионы, как буферные зоны, находящиеся между экономическими, политическими и культурными границами, имеют свои особенности, актуальные для изучения в контексте модернизации российского общества, необходимости разработки дифференцированного подхода в регулировании регионального развития. Основываясь на результатах комплексного научного исследования, включающего психосемантические эксперименты и социологические опросы в шести приграничных регионах России, авторы исследуют особенности восприятия актуальных рисков

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

и угроз и его основные измерения, анализируют оценки условий обеспечения безопасности, представляют модели индивидуальных и институциональных факторов социальной безопасности, среди которых ключевую роль играют социально-демографические факторы, уровень материального благополучия и человеческий капитал, а также обобщенное и институциональное социальное доверие. Авторы делают выводы о тесной связи между уровнем социальной безопасности и социальной дифференцированностью регионального социума, неравномерном распределении рисков и угроз и значимых различиях в обладании ресурсами (материальными и нематериальными) для их преодоления как на индивидуальном, так и на региональном уровне. Неудовлетворительная ситуация с обеспечением социальной безопасности в широком смысле обуславливает рост неудовлетворенности населения и способствует «выталкиванию» наиболее активной его части из регионального пространства.

Ключевые слова: восприятие риска, психосемантика риска и безопасности, социальный механизм обеспечения безопасности, обобщенное доверие, институциональное доверие, приграничные регионы

SOCIAL SECURITY IN REGIONAL SOCIETIES OF THE RUSSIAN BORDERLAND: INDIVIDUAL AND INSTITUTIONAL FACTORS

D.A.Omelchenko, S.G.Maximova, O.E. Noyanzina

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: omelchenko@edu.asu.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru*

Social security in Russian regions is determined by a complex of global and all-Russian threats and unique local dangers and risks arising from the peculiarities of geographic, social, economic and socio-cultural development, historically developed features of social interactions of members of the regional community. Border regions as buffer zones between economic, political and cultural boundaries, have their own characteristics relevant to examine in the context of modernization of the Russian society, and needed to develop a differentiated approach in the regulation of regional development. Based on the results of a complex scientific research, including psychosemantic experiments and sociological surveys in six border regions of Russia, the authors analyze the peculiarities of perception of actual risks and threats and their main dimensions, evaluate security conditions, present models of individual and institutional factors of social security, among which the key the role is played by socio-demographic factors, the level of material well-being and human capital, as well as generalized and institutional social trust. The authors conclude that there is a close relationship between the level of social security and social differentiation of the regional society, uneven distribution of risks and threats, and

significant differences in the possession of resources (material and non-material) to overcome them both at the individual and regional levels. The unsatisfactory situation with the provision of social security in a broad sense leads to an increase in the dissatisfaction of the population and contributes to the “pushing” of the most active part of it from the regional spaces.

Keywords: risk perception, psychosemantics of risks and security, social mechanism of security, generalized trust, institutional trust, borderland regions

Введение

Вопросы безопасности личности, государства, человечества в целом сегодня находятся на пике актуальности как в политической повестке, так и в научном дискурсе. Несмотря на предпринимаемые усилия, количество угроз безопасности постоянно увеличивается, тогда как существующие системы его обеспечения пока не демонстрируют хоть сколько-нибудь удовлетворительного предвидения и опережения новых угроз. Уровень безопасности в том или ином обществе напрямую зависит от происходящих в нем процессов, от сложности и скорости протекания. К сожалению, приходится констатировать, что объем безопасности быстро сокращается, государство как гарант осуществления основных прав, в том числе по обеспечению безопасности, справляется со своей ролью далеко не всегда, оно перестает быть главным «поставщиком уверенности и безопасности» (Панарин, Есимова, 2012). Однако и межгосударственное сотрудничество по вопросам безопасности носит в значительной степени политизированный и фрагментарный характер, несмотря на ценность безопасности и наличие общих целей, современным государствам довольно трудно консолидировать свои интересы и разделить сферы влияния и ответственности (Swain, 2012).

Состояние исследований о безопасности, особенно о безопасности социальной, характеризуется разобщенностью и «многоголосием», отсутствием единой, методологически стройной и теоретически обоснованной концепции, показателей и индикаторов, методов и процедур измерения и оценки. Нет единства мнений и в отношении определения базового понятия — социальной безопасности, которое понимается как «состояние защищенности социума от вызовов и угроз» (Р. Яновский, Г. Силласте), «стабильности и устойчивости социальной системы, находящейся в границах установившихся социальных норм, устойчивое состояние, оптимальное удовлетворение потребностей, достойное качество жизни, создание условий для развития личности» (О. Кашник, А. Брызгалина, М. Лига), «совокупность мер и практических действий по предотвращению и минимизации угроз, защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе» (В.Н. Кузнецов, В.К. Левашов). Анализ различных определений, представленных в научной литературе, позволяет обозначить некоторые общие моменты и основные тенденции. Это прежде всего единство статических (акцент на устойчивости и стабильности, важность порядка и наличия строгих норм для обеспечения безопасности) и ди-

намических (стремление подстроиться под изменяющуюся реальность), точечных и процессуальных аспектов, многообразие объектов — референтов безопасности (личность, социальные общности, социальные институты) и их интересов, которые не всегда совпадают (типичной оппозицией является согласование интересов личности и общества в вопросах обеспечения безопасности), единство целей и средств осуществления (безопасность как идеал и как система мер).

Для современных подходов к концептуализации безопасности характерно отношение к социальной безопасности как к «комплексной характеристике», «многоплановому социальному явлению», «интегральному понятию», обозначающему одновременно актуальное состояние защищенности от внутренних и внешних вызовов и угроз и потенциал развития, наличие оптимальных условий функционирования социума. Многозначный и многомерный характер безопасности позволяет выделять множество его отдельных аспектов или измерений, которые характеризуются тесной взаимосвязью глобального и локального, всеобщего и уникального (Daase, 2015). Мы согласны с теми авторами, которые считают, что социальную безопасность необходимо рассматривать не в абстрактно-гуманитарном плане, а в контексте сегодняшней практики, поисков путей устойчивого безопасного развития (Никулина, Колодиев, 2017). Импонируют нам и такие теоретические подходы, в которых анализ безопасности представляет собой динамический процесс, в нем социальные агенты в поиске безопасности способствуют формированию и кристаллизации социальных идентичностей (в этом отношении значительный интерес представляет рефлексивная теория социального порядка, понимание безопасности как эмансипации), а также подходы к рассмотрению социальной безопасности как безопасности «социетальной» и «человеческой», мыслимой в контексте безопасности социальных обществ с присущим им социокультурным единством и переносом акцента с безопасности государств на безопасность личности как основного референта (Bilgin, 2003; Шипунова, 2016). Таким образом, в отечественной и зарубежной социологии создана серьезная теоретическая, методологическая и эмпирическая база для социологического анализа институтов, процессов, структур обеспечения социальной безопасности региональных социумов, однако остается много концептуальных и методологических, прикладных вопросов, требующих теоретического осмысления. Между тем практически отсутствуют целостные и комплексные работы, посвященные прежде всего теоретико-методологическим проблемам социальной безопасности региональных социумов: системе категорий, технологиям, особенностям типологии, мотивации, динамики в сфере обеспечения безопасности и т.д. (Ноянзина, 2013; Горбунова, Борисова, Максимова, 2019).

Методика исследования и основные показатели

Постановка задачи о выявлении индивидуальных и институциональных факторов социальной безопасности потребовала обращения к специализированным методам, позволяющим вскрыть субъективные измерения и, с одной стороны, получить индивидуальные оценки, а с другой — привести эти оценки к общему региональному знаменателю, дать эмпирическую «пищцу» для анализа результатов

этого восприятия не только как индивидуального, но и социально обусловленного и конструируемого в том числе посредством коммуникативных средств продукта. Методологическим подходом, в большей степени отвечающим задачам исследования и обладающим репертуаром процедур и инструментов измерения, являлся экспериментально-психосемантический подход, разрабатываемый А.Г. Шмелевым, В.Ф. Петренко и их последователями и ориентированный на анализ системы индивидуальных значений и личностных смыслов, организованных в более обобщенные категории (конструкты), через призму которых индивиды воспринимают себя, других людей и явления социального мира (Петренко, 1982).

Процедура психосемантического эксперимента заключалась в шкалировании респондентами с помощью семибалльных шкал списка угроз социальной безопасности по четырем показателям: оценки личной вероятности столкновения с теми или иными опасностями (субъективная подверженность риску как определенному событию жизни), оценки вероятности столкновения с рисками и опасностями для жителей региона (региональный риск), оценки степени опасности, тяжести последствий реализации рисков и угроз, оценки степени личной защищенности/уязвимости и контролируемости риска, возможности его избежать и управлять с минимальными последствиями для жителей региона.

Подготовка инструментария и формирование списка оцениваемых рисков осуществлялись на основе предварительных экспертных оценок и анализа научной литературы по проблемам социальной безопасности (исследования Ю.А. Зубок, В.К. Левашова, М.Б. Лиги, Г.Г. Силласте, А.П. Альгина, С.И. Самыгина, Т.Н. Юдиной, Д.К. Танатовой), что в целом соответствовало логике, применяемой в области исследования риска (risk perception studies), и продолжало идеи концепции human security в социальных науках. Совокупность оцениваемых рисков и угроз включала социально-экономические риски; риски для жизни и здоровья, в том числе обусловленные образом жизни, потреблением, качеством системы здравоохранения; социальные риски, обусловленные снижением эффективности механизмов социальной регуляции и контроля, дефектами социальной структуры, вызванными социальным неравенством, поляризацией и напряженностью в обществе; политические риски, включая риски, провоцируемые внешнеполитическими действиями; техногенные и технологические риски, в том числе связанные с распространением информационно-коммуникационных технологий, экологические и природные риски. Анализ результатов проводился как на основе первичных трехмерных данных (объекты оценки, шкалы и респонденты), так и на усредненных данных, позволяющих описать общую картину, релевантную для региона в целом. Гипотезы исследования тестировались с помощью дисперсионного, корреляционного, кластерного и факторного анализа. Последний являлся основным методом построения семантических пространств, визуализирующих взаимосвязи между восприятием различных рисков в сетке координат, задаваемых основными измерениями.

Исследование проводилось в шести приграничных регионах весной — летом 2019 г. (в каждом регионе $n = 100$, квотная выборка, репрезентирующая население региона по основным социально-демографическим параметрам — полу, возрасту

и местности проживания): Алтайском крае, Амурской, Оренбургской, Омской областях, Хабаровском крае, Республике Алтай. Возраст опрошенных (объединенные данные) составил от 16 до 69 лет, средний возраст составил 38,8 года, медианный возраст — 37 лет. Поселенческие характеристики опрошенных свидетельствовали о большем охвате исследованием жителей городов, за исключением двух регионов, в которых удалось опросить значительное количество сельских жителей. Перекосы в распределениях были связаны как со спецификой расселения населения по территории, так и с технологиями опроса респондентов, посредством которых производился рекрутинг респондентов (онлайн-опрос).

Параллельно с психосемантическими исследованиями в каждом регионе проводились социологические опросы населения ($n = 400$ в каждом регионе, возраст опрошенных от 18 до 70 лет, онлайн-опрос с корректировкой квот по полу, возрасту, месту проживания), в ходе которых измерялись субъективные оценки личной безопасности во взаимосвязи с оценками социально-экономического положения и оценкой выраженности ключевых проблем региона, социальным доверием и социально-демографическими характеристиками. Исследовались актуальное состояние безопасности и динамика возникновения рисков угроз, различные виды доверия (обобщенное и институциональное — к государственным и общественным институтам), субъективные оценки сформированных в регионе институциональных условий для обеспечения и сохранения социальной безопасности. В результате анализа была разработана математическая модель, обосновывающая наличие корреляций между исследуемыми явлениями, позволяющих спрогнозировать уровень субъективно воспринимаемой безопасности граждан, их отношение к политическим решениям в области обеспечения социального порядка, региональной и национальной безопасности.

Таким образом, применение междисциплинарного подхода, психологических и социологических методов сбора методологий легло в основу комплексной оценки социального механизма сохранения безопасности в приграничных регионах с учетом различий в их социально-экономическом развитии, особенностей региональных систем управления и специфики состава населения.

Результаты исследования

Восприятие социальных рисков: взаимосвязь и взаимообусловленность различных измерений

Представим полученные результаты психосемантического исследования в разрезе пяти измерений риска, акцентируя внимание не только на самих оценках респондентов, но и на их соотношении. Так, целесообразно сравнить оценки личной вероятности и вероятности наступления тех или иных рисков событий для других жителей региона, что может вывести нас на важную информацию относительно недооценки, «невидимости» тех или иных рисков, их латентности. Оценки опасности логично проводить совместно с оценками защищенности, поскольку разница между ними представляет меру социальной тревожности, фрустрированности от невозможности скрыть свою уязвимость от имеющихся вызовов и угроз,

а также косвенно позволяет оценить субъективно оцениваемую жителями регионов функциональность социальных институтов, отвечающих за соответствующий аспект социальной безопасности.

Оценивая личную вероятность столкновения с теми или иными рисками, жители приграничных регионов демонстрировали значительный оптимизм: среднее значение по десятибалльной шкале составило всего 2,88 балла. Пять наиболее значимых рисков, оценки по которым были максимальными, учитывая «нулевые» ответы респондентов, обозначающие полное отсутствие вероятности, включали следующие утверждения: «стать жертвой халатности, некомпетентности специалистов (врачей, учителей, чиновников и т.д.)» (среднее значение — 4,25 балла), «пострадать в автомобильной аварии» (3,75), «нанести вред здоровью некачественными, синтетическими, генно-модифицированными продуктами» (3,71), «заболеть смертельной, неизлечимой болезнью» (3,65)¹, «потерять источник дохода и не выплатить кредиты, займы, попасть в должники кредитной организации (коллекторских агентств)» (3,49). Наименее вероятными, по мнению опрошенных, являлись риски стать жертвой насилия, в том числе сексуального характера (2,21), стать жертвой преследования по политическим мотивам (из-за разделяемых взглядов, убеждений) (2,19), стать одиноким, никому не нужным, отверженным (2,19), потерять связь с миром, быть отрезанным от мирового информационного пространства (2,04), стать объектом травли (издевательств, унижения) (2,00).

Оценки вероятности довольно существенно различались в зависимости от того, кто являлся объектом такой оценки — сам респондент или обобщенный «житель региона». Во всех случаях личная вероятность оценивалась ниже, что указывало на наличие необоснованного оптимизма, учитывая идентичность общих социальных условий жизни (в целом оценки были довольно синхронными, коэффициент корреляции Пирсона составил 0,7). Наибольшие расхождения наблюдались по рискам потери источника дохода и невыплаты кредитов, попадания в должники коллекторских агентств, рискам одиночества и отверженности, потери жилья и работы (разница средних более 1,0 балла), риска алкоголизма и наркомании, психических болезней (разница средних максимальна — 2,6 балла). Таким образом, уже на этом этапе анализа было понятно, что в тех случаях, где риск был в значительной степени связан с личными поведенческими стратегиями и пусть даже мнимой возможностью выбора, вероятность всегда оценивалась в пользу самого респондента, который представлял себя более волевым, успешным и ответственным.

Рейтинг наиболее опасных возглавили риски заболеть смертельной или неизлечимой болезнью (среднее значение 6,35), пострадать в авиакатастрофе (6,24 балла), стать алкоголиком, душевнобольным (6,2 балла), стать жертвой теракта (5,97), стать инвалидом, недееспособным (5,96). Различия в оценках этих рисков несущественны, это настоящие фобии, способные вызвать панику и повысить уровень социальной напряженности.

¹ Стоит учитывать, что эти оценки были даны до начала пандемии коронавируса в декабре 2019 г., соответственно их можно интерпретировать только в контексте прошлых «доковидных» социальных реалий.

Относительно неопасными можно считать ситуации, по которым средние значения были минимальными, по крайней мере, ниже 4,5 балла. Так, по мнению респондентов, не так опасны риски, связанные с дискриминацией, нарушением прав человека (средний уровень опасности — 4,48 балла), разглашением персональной информации, фото, взлома аккаунта (4,36), преследованием по политическим мотивам (4,35), потери связи с миром, изолированностью от мирового информационного пространства (4,27). Именно по ним, а также по некоторым другим, таким как риск потери жилья и невыплаты кредитов, насилия, участия в уличных беспорядках, мы не обнаружили значимых различий по регионам исследования¹, что указывало на наличие некоторых общих закономерностей оценки, не зависящих ни от места проживания, ни, вероятно, от каких-либо других факторов. Низкие оценки и их слабую дифференцированность можно трактовать двояко: с одной стороны, они, вероятно, указывали на достаточно благоприятные социальные условия, в особенности по некоторым рискам, по которым мы могли найти подтверждение в других источниках (например, по уровню напряженности в межнациональных отношениях²), с другой стороны — очевидна недооценка выраженности риска в связи с недостаточной информированностью и низкой подверженностью риску из-за неучастия в некоторых видах деятельности (так, если человек не интересовался политикой, не принимал участия в общественно-политической деятельности, его риск политической дискриминации был минимальным).

По тем ситуациям, где межрегиональные различия были достоверными, жители Республики Алтай всегда давали наименьшие оценки опасности, тогда как в Алтайском и Хабаровском краях уровень опасности был оценен как существенно более высокий. При этом по рискам психических заболеваний, буллинга, изоляции и авиакатастроф восприимчивость к опасности у жителей Алтайского края была максимальной. Оценки в других регионах занимали промежуточное положение, за исключением риска банкротства и разорения, который был максимальным в Амурской и Омской областях (среднее значение 4,06–4,09 балла).

Уровень субъективно оцениваемой защищенности респондентов от указанных рисков и угроз был существенно ниже и не превышал 4,6 балла, минимальное значение составило 2,9 балла. Наименьший уровень защиты — от алкоголизма и наркомании, травли и унижений, одиночества и насилия, потери связи с миром (средние значения защищенности 2,9–3,2 балла). Относительно защищенными жи-

¹ Здесь и далее приводятся результаты однофакторного дисперсионного анализа и апостериорных критериев (в Тьюки), все приведенные различия значимы на 5% уровне, предварительно проводилась оценка нормальности с помощью методов Колмогорова — Смирнова и Шапиро — Уилка.

² Так, по результатам мониторинговых исследований в сфере межнациональных отношений (данные, представленные в отчетах о ходе исполнения поручений Президента, научных отчетах о проводимых исследованиях организаций, уполномоченных проводить такие мониторинги, сведениях о показателях государственной программы о реализации государственной национальной политики) доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Хабаровском крае (2019), составила 80,5%, в Алтайском крае (2019) — 93,2%, в Республике Алтай (2018) — 87,6%, в Омской области (2020) — 90%, в Оренбургской области — 83,8% (см. Об утверждении государственной программы Алтайского края, 2021; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», 2021; Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации, 2020).

тели чувствовали себя по отношению к смертельным болезням, авиакатастрофам и несчастным случаям, автомобильным авариям и некомпетентности специалистов, но эту защищенность можно было трактовать как выраженную надежду, что беда обойдет стороной, так как эти риски были отнесены к наиболее опасным и отчасти — наиболее вероятным. Таким образом, оценки населения были достаточно противоречивыми и далекими от рациональных.

Примечательно, что оценки защищенности жителей шести регионов были гораздо более согласованными, чем оценки опасности, различия были только по некоторым ситуациям, в которых выделялась та или иная приграничная территория. Жители Алтайского края чувствовали себя более защищенными от физического насилия, в том числе сексуального характера (среднее значение — 4,0 балла, в остальных регионах — менее 3,0 балла), террористических актов (3,79 балла, в других регионах — менее 2,9), травли, издевательств и унижения (3,55 балла, также в Хабаровском крае — 3,24, в других регионах — 3,0 балла и меньше), разглашения персональной информации (Алтайский край — 3,49, Оренбургская область — 3,05, у остальных — менее 2,8 балла). От потери связи с миром меньше всего были защищены жители Республики Алтай, что неудивительно, учитывая особые территориальные условия и труднодоступность многих населенных пунктов (3,19 балла), лучше всего ситуация в Алтайском крае — 4,1 балла и Хабаровской области — 3,7 балла.

Контролируемость ситуаций выступала значимым индикатором оценки доверия населения к экспертным системам и социальным институтам, обеспечивающим безопасность, и в случае если риск имел поведенческий компонент, указывала на веру в собственные силы противостоять неопределенности и рискованности современного мира. Возможность контроля не обязательно обозначала его реальную эффективность, здесь речь шла скорее о том, что этих рисков можно было бы избежать при наличии определенных условий. Однако с учетом того, что максимальное среднее значение было ниже условной середины шкалы (4,3 балла), жители приграничных регионов были скорее уверены в обратном. Так, согласно объединенным данным, менее всего контролю подлежали экологические и авиакатастрофы, природные катаклизмы, несчастные случаи, смертельные болезни; легко заметить, что большинство из указанных рисков носили техногенный характер и так или иначе провоцировались деятельностью человека. Несмотря на наличие определенного опыта и знаний, в отношении будущего население демонстрировало приверженность к фатализму (таблица 1).

Таблица 1.

Средние значения оценок населения по пяти измерениям риска, объединенные данные по шести регионам исследования.

Риски и угрозы / Измерения	Вероятность для себя	Вероятность для других	Опасность	Защищенность	Контролируемость
Потерять накопления, разориться, обанкротиться	3,40	4,17	4,81	4,21	3,17

Таблица 1 (продолжение)

Риски и угрозы / Измерения	Вероятность для себя	Вероятность для других	Опасность	Защищенность	Контролируемость
Стать жертвой мошенничества, жульничества	3,44	4,37	4,84	4,07	3,00
Потерять работу, попасть под сокращение	3,33	5,00	5,20	4,29	3,80
Стать алкоголиком, наркоманом, душевнобольным	2,34	4,93	6,20	2,96	2,11
Заболеть смертельной, неизлечимой болезнью	3,65	4,67	6,35	4,56	4,09
Потерять жилье, остаться на улице	2,47	3,96	5,49	3,25	2,79
Стать жертвой насилия, в том числе сексуального характера	2,21	2,97	5,31	3,01	2,52
Стать жертвой халатности, некомпетентности специалистов (врачей, учителей, чиновников и т.д.)	4,25	4,47	5,89	4,33	3,77
Пострадать в автомобильной аварии	3,75	4,03	5,85	4,35	3,60
Пострадать в авиакатастрофе	2,64	3,03	6,24	4,40	4,04
Стать жертвой теракта	2,25	2,47	5,97	3,52	3,95
Стать инвалидом, недееспособным	2,99	3,64	5,96	4,27	4,20
Пострадать от экологической катастрофы (химическое и радиационное загрязнение воздуха, воды, ядерные испытания)	2,65	3,13	5,44	4,31	4,25
Пострадать от природной стихии (наводнение, землетрясение и др.)	2,76	3,33	4,97	4,11	4,15
Стать жертвой уличных беспорядков, столкновений на международной или религиозной почве	2,41	2,67	4,57	3,37	3,32
Пострадать в результате несчастного случая (взрыв газа, пожар, обрушение зданий и др.)	3,32	3,63	5,51	4,37	4,03
Стать жертвой дискриминации, испытать ущемление в своих правах	3,07	3,36	4,48	3,96	3,56

Таблица 1 (окончание)

Риски и угрозы / Измерения	Вероятность для себя	Вероятность для других	Опасность	Защищенность	Контролируемость
Стать жертвой преследования по политическим мотивам (из-за разделяемых взглядов, убеждений)	2,19	2,65	4,35	3,52	3,16
Стать объектом травли (издевательств, унижения)	2,00	2,44	4,96	3,15	3,07
Стать одиноким, никому не нужным, отверженным	2,19	3,63	5,04	3,08	2,76
Потерять связь с миром, быть отрезанным от мирового информационного пространства	2,04	2,99	4,27	2,88	2,93
Пострадать от разглашения персональной информации, фото, взлома аккаунта и т.п.	2,65	3,39	4,36	3,51	2,93
Нанести вред здоровью некачественными, синтетическими, генно-модифицированными продуктами	3,71	4,28	5,13	4,07	3,63
Потерять источник дохода и не выплатить кредиты, займы, попасть в должники кредитной организации (коллекторских агентств)	3,49	4,83	5,27	3,92	3,43

Проанализировав оценки жителей приграничных регионов по пяти измерениям восприятия безопасности, мы увидели, что между ними существует явная и сильная взаимосвязь. Так, вероятность попадания в неблагоприятные ситуации для жителей региона чаще всего оценивалась как более высокая по сравнению с личными оценками. Одни и те же ситуации были идентифицированы как менее опасные и лучше контролируемые и чаще всего менее вероятные. Возникал вопрос: существуют ли какие-то общие закономерности восприятия? Что в большей степени определяет оценки вероятности личного попадания в рискованные ситуации? Как эти оценки связаны с другими измерениями?

Для ответа на эти вопросы мы провели серию регрессионных анализов на агрегированных данных по региону и элементу оценивания, транспонированных таким образом, чтобы в качестве переменных выступали измерения, а в качестве наблюдений — оцениваемые ситуации. В качестве зависимой переменной выступали оценки личной вероятности, а в качестве предикторов — оценки уровня опасности, защищенности и контролируемости оцениваемых ситуаций и событий.

Результаты проведенного моделирования показали, что взаимосвязи являются довольно сильными и что именно они объясняют большую часть вариабельности оценок личной вероятности. Качество моделей, оцениваемых по статистике коэффициента детерминации ($\text{adjusted } R^2$), в большинстве регионов было достаточно высоким ($>0,65$), кроме Оренбургской области, где влияние предикторов было менее важным и объясняло только 43% дисперсии зависимой переменной.

Во всех регионах наиболее значимым фактором вариабельности оценок личной вероятности реализации риска являлся субъективно воспринимаемый уровень защищенности, взаимосвязь с которым была отрицательной и очень сильной (в модели для Алтайского края $b = -1,593$, $p < 0,0005$, для Республики Алтай $b = -2,231$, $p < 0,0005$, для Хабаровского края $b = -1,586$, $p < 0,0005$, для Амурской области $b = -2,126$, $p < 0,0005$, для Омской области $b = -1,85$, $p < 0,0005$, для Оренбургской области $b = -2,064$, $p < 0,0005$). Это означало, что если респонденты считали себя защищенными от каких-либо негативных событий, то они полагали, что они в их жизни не произойдут, тогда как низкий уровень защищенности ассоциировался с более высокой вероятностью реализации данного риска. При этом опасность ситуации практически не имела никакого значения и на вероятность личного столкновения с ней воздействия не оказывала. Что касается связи с контролируемостью, то здесь результаты были противоречивыми. Значимость коэффициентов в некоторых регионах (Алтайском крае и Республике Алтай), а также смена знака с отрицательного на положительный (в том числе выявленная в случае анализа частных (парциальных) корреляций) могла появиться из-за возможных эффектов мультиколлинеарности, связанных с сильной взаимосвязью между предикторами (в нашем случае между показателями защищенности и контролируемости), что, по сути, свидетельствовало о добавлении в модель избыточного предиктора, который имеет слабую взаимосвязь с зависимой переменной. Факт, что в других регионах эта связь не была выявлена, подтверждал правильность такого предположения. Между тем, с учетом неэкспериментального дизайна исследования, взаимосвязь между оценками защищенности и вероятности не могла иметь причинно-следственный характер и могла быть проинтерпретирована только в терминах корреляции; мы лишь условно, путем определения зависимых и независимых переменных, задавали направленность эффекта.

Кластеризация рисков и факторный анализ показали наличие общих семантических оснований, обуславливающих сходство восприятия тех или иных рисков. Такими семантическими основаниями выступали:

- *социальное исключение* из-за инаковости, слабоволия, ненормативных практик, отказа разделять общие убеждения, как правило, ассоциируемые с насилием, дискриминацией и изоляцией от других членов общества;
- *внезапная опасность*, сочетающаяся с невозможностью контролировать ситуацию;
- *потеря бдительности и ответственности*, отказ от соблюдения правил безопасности, профессиональных норм;
- *социетальные угрозы*, приводящие к ухудшению качества жизни.

Общий для всех регионов фактор оценки был связан с правами человека, основными свободами и другими аспектами социальных отношений. Дополни-

ными (вторичными) были факторы, определяющие состояние риска и безопасности через человеческую деятельность и материальные основы социальной жизни. Семантические пространства, построенные и описанные для каждого региона, имели значительное сходство, свидетельствующее о наличии общих закономерностей восприятия социальной безопасности, рисков и угроз, но, тем не менее, отличались по конфигурации рисков в разных областях пространства (рисунки 1–3).

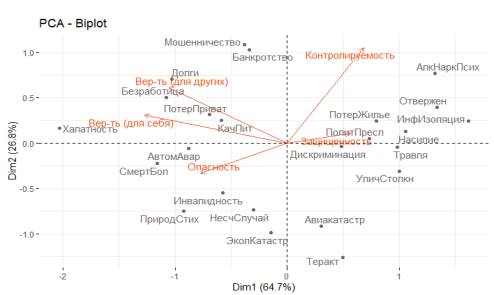
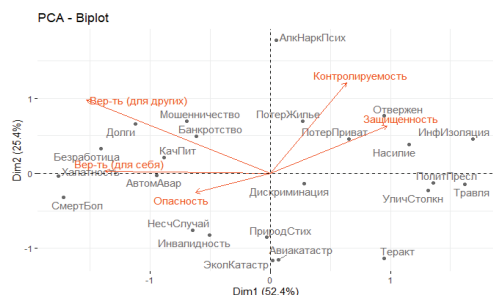

Рисунок 1 — Семантические пространства восприятия рисков, релевантные для населения Алтайского края (слева) и Республики Алтай (справа).

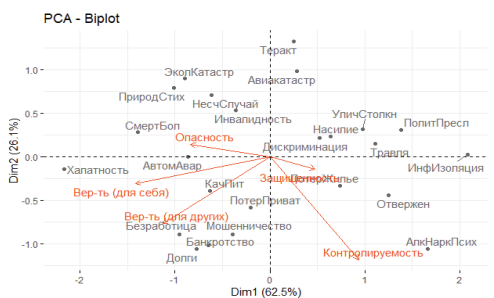
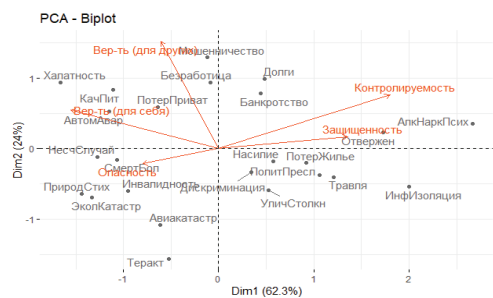

Рисунок 2 — Семантические пространства восприятия рисков, релевантные для населения Хабаровского края (слева) и Амурской области (справа).

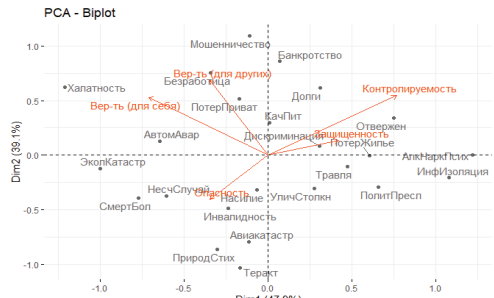
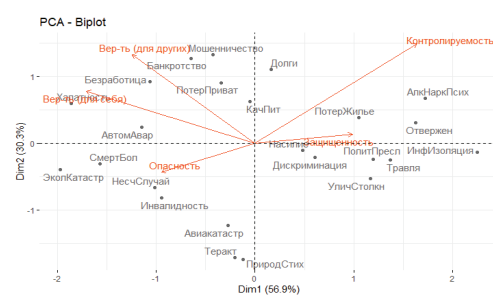

Рисунок 3 — Семантические пространства восприятия рисков, релевантные для населения Омской области (слева) и Оренбургской области (справа).

Социальная безопасность региональных социумов российского приграничья: ключевые проблемы и факторы оценки

Гипотезы социологической части исследования были связаны с оценками уровня выраженности основных вызовов, угроз и опасностей, с которыми население сталкивается в своей повседневной жизни, в том числе с определением роли различных видов доверия как значимых индикаторов функционирования социального механизма сохранения безопасности в приграничных регионах.

Общий уровень социальной безопасности, преломленный сквозь жизненный опыт респондента, оценивался на основе вопроса: «Насколько Вы в целом ощущаете себя в безопасности» (четырёхбалльная шкала — от «полностью ощущаю себя в безопасности» до «совсем не ощущаю себя в безопасности», нейтрального варианта не было, но у респондента была возможность выбрать вариант «затрудняюсь ответить»).

Исходя из валидных ответов (без учета затруднившихся, их было 3–6%) наиболее безопасным регионом из шести являлся Хабаровский край, в котором 73,3% опрошенных выбрали положительные ответы, а также Амурская область (61,6%), тогда как наименее безопасным — Республика Алтай (только 50,7% положительных ответов), в других регионах доля в той или иной степени уверенных в своей безопасности составила 55–57% (различия значимы только между четырьмя указанными группами).

Оценка уровня личной безопасности имела сильную социально-экономическую детерминированность и определялась условиями, в которых проживал респондент, особенно в Омской области, где указанный фактор отвечал за 15% дисперсии исходной переменной (по данным логистической регрессии). Больше половины жителей почти всех приграничных регионов, кроме Хабаровского края, считали, что живут в неблагополучном и депрессивном регионе (в Алтайском крае — 64,6%, в Амурской области — 63,7%, в Республике Алтай — 67,1%, в Омской области — 77,6%, в Оренбургской области — 55,9%). Только в Хабаровском крае ситуация была достаточно благоприятной: 55,0% опрошенных считали свой регион социально и экономически благополучным, развитым, тогда как 45,0% имели противоположную точку зрения.

ТОП-5 основных проблем, угрожающих социальной безопасности, во всех регионах включал снижение уровня жизни и повышение цен (вопрос с множественным выбором, 86,8% ответов, объединенные данные), отсутствие перспектив для молодежи и отток населения (85,6%), маленькие зарплаты и задолженности по выплатам (81,4%), безработицу и сложности с поиском работы (78,7%), проблемы в сфере здравоохранения, образования и культуры (73,8%).

Региональные паттерны угроз были весьма сходными, за некоторыми особенностями. Так, в Хабаровском крае в пятерку угроз безопасности входила коррупция (67,9% ответов). Действительно, за последние годы на региональной сцене произошло более десяти крупных коррупционных скандалов, завершившихся уголовным преследованием, участниками которых стали высокопоставленные

чиновники¹. Ситуация в Омске характеризовалась повышенным вниманием общественности к молодежной миграции, на катастрофические масштабы которой указывали не только результаты нашего опроса (91,0% участников исследования выделили эту проблему в числе ключевых), но и результаты статистики: с 2017 г. Омская область занимает лидирующие позиции в Сибирском федеральном округе и является вторым регионом России по убыли населения (Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации, 2020: 91). И это — несмотря на благоприятное географическое положение и развитую экономику (по объему ВРП Омская область находится на 30-м месте среди регионов Российской Федерации и на 5-м месте в Сибирском федеральном округе). Еще одна особенность области: на втором месте в рейтинге угроз, в отличие от других регионов, находились экологические риски (88,2% ответов). Действительно, публикации в прессе и доклады профильных ведомств фиксируют наличие в регионе множества экологических проблем, среди наиболее острых — расположение аэропорта в черте Омска, вырубка городских скверов и парков, загрязнение реки Иртыш и малых рек, низкое качество питьевой воды и сложности с переработкой мусора, и особенно — проблема химических выбросов от результатов деятельности нефтехимического комплекса и машиностроения (О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Омской области, 2021; Проблемы экологии Омской области, 2021).

Похожая ситуация складывалась и в благополучном Оренбуржье², где тройка лидирующих проблем также включала снижение уровня жизни (83,7%), отсутствие перспектив и отток молодежи (82,6%), экологические проблемы (79,2%). Как и в Омской области, последние были в значительной степени обусловлены антропогенными факторами и касались ухудшения жизненно важных источников — воздуха и воды. Обострение экологической ситуации было связано с работой Южноуральской горноперерабатывающей компании, Медногорского медно-серного комбината, газоперерабатывающего и гелиевого заводов и других промышленных предприятий, в том числе в сфере энергетической промышленности (Каргалинской и Сакмарской ТЭЦ), осуществляющих выброс вредных веществ в атмосферу. Реки области, особенно загрязненный приток Самары Блява, страдают и от соседства с индустриальными территориями Урала (Экологические проблемы Оренбургской области, 2021).

На следующем этапе анализа мы постарались оценить эффективность социального механизма сохранения социальной безопасности в региональных социумах — подробнее о концептуализации данного понятия см. (Ноянзина, 2013). С этой целью была разработана серия шкал (всего 15 показателей), описывающих институциональные условия, необходимые для устойчивого функционирования

¹ См., например: ТОП-10 крупнейших коррупционных скандалов с чиновниками Хабаровского края, которые потеряли свои посты. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/03/23/48274/>

² По рейтингу социально-экономического положения регионов 2020 года Оренбургская область входит в 30 наиболее сильных регионов, Омская область занимает в этом рейтинге 31-е место, Хабаровский край — 40-е, Алтайский край — 41-е, Амурская область — 46-е, Республика Алтай — 83-е место.

региона, обеспечения экономических, политических, социальных и культурных прав граждан, их онтологической безопасности, базовых социальных интересов населяющих регион общностей.

Результаты разведывательного факторного анализа показали, что, несмотря на специфику каждого показателя, они измеряли общий конструкт — социальную безопасность как интегральное качество социальной сферы, обобщающее его частные аспекты — отдельные виды безопасности: экологическую, политическую, культурную и т.д. (альфа Кронбаха, согласно результатам анализа внутренней согласованности, составила 0,944). По абсолютному значению факторных нагрузок (более 0,7) в этом общем факторе лидировали все-таки экономические («В регионе созданы условия для защиты экономических прав, частной собственности, бизнеса») и правовые («Система правосудия независима и справедлива, соблюдаются права и свободы, равенство граждан перед законом», «Правоохранительные органы эффективно обеспечивают общественный порядок и безопасность, борются с преступностью»), а также собственно социальные и общественно-политические компоненты («Органы социальной защиты населения оказывают качественные социальные услуги и меры социальной поддержки», «Граждане принимают участие в обсуждении принимаемых властью решений и контроле за их исполнением»), тогда как экологические и инфраструктурные условия выступали в качестве вторичных, сопутствующих условий (нагрузки более 0,65; таблица 2).

Анализ общих трендов (по средним значениям) показал, что почти по всем условиям в приграничных регионах наблюдаются существенные проблемы (средние значения не превышали 5,0 балла по десятибалльным шкалам). Единственный показатель, оцененный достаточно высоко, — создание условий для предотвращения межнациональных конфликтов, поддержки и развития национальных культур (среднее значение — 5,14 балла, 24,8% опрошенных поставили выше 7 баллов). Хуже всего дела обстояли с обеспечением условий для социальной безопасности в сфере здравоохранения, гражданским участием и общественным контролем, независимостью и объективностью средств массовой информации (среднее значение — 3,72, доля граждан, поставивших минимальные баллы, составила по данным показателям около 22%).

Отчетливо выделялись и региональные особенности функционирования социального механизма. Однофакторный дисперсионный анализ показал наличие значимых отличий почти по всем условиям, кроме экономических (защита частной собственности и экономических прав), финансовых (устойчивость банковской сферы), сферы здоровья и контроля власти. В частности, жители Амурской области достоверно ниже, чем в других регионах, оценивали эффективность системы противодействия природным катаклизмам (среднее значение 4,5 балла), что объяснимо прежде всего наличием негативного опыта, связанного с пожарами и наводнениями (только в 2018 г. площадь природных пожаров в регионе составила 2,3 млн га¹, наводнения затронули тысячи людей). В Хабаровском крае жители имели больше

¹ Площадь пожаров в Амурской области за четыре года снизилась почти в 30 раз. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12089217>

претензий к функционированию системы правосудия и обеспечению верховенства закона (среднее значение 3,91), объективности и независимости СМИ (3,7), допуска граждан к обсуждению управленческих решений и осуществлению общественного контроля (3,22)¹. В Алтайском крае жители были более не удовлетворены общественным порядком и эффективностью борьбы с преступностью (среднее значение 4,31), уровнем доверия и сотрудничества между гражданами (4,13), качеством социальных услуг и мер социальной поддержки (4,41), эффективностью профилактики межэтнических конфликтов (4,85). В Омске и Оренбурге были выявлены наиболее низкие оценки качества природоохранной деятельности и контроля за загрязнением воздуха и воды (2,68 и 3,78 балла). Таким образом, наш анализ показал наличие четких диалектических взаимосвязей между выраженностью рисков и угроз и функционированием социального механизма обеспечения безопасности. Общие институциональные основы функционирования социального механизма, обеспечиваемые государством, имели существенную региональную вариабельность, формируя специфические наборы рисков и угроз.

Таблица 2.

Результаты факторного анализа по показателям институциональных условий обеспечения социальной безопасности в приграничных регионах (объединенные данные), факторные нагрузки, средние значения и результаты сравнения средних по регионам по отдельным показателям.

Показатель	ФА (нагрузка)	Среднее значение (объединенные данные)	Региональ- ные различия (F, p-value)
В регионе созданы условия для защиты экономических прав, частной собственности, бизнеса	0,810	4,40	0,143
Правоохранительные органы эффективно обеспечивают общественный порядок и безопасность, борются с преступностью	0,808	4,71	0,000
Органы социальной защиты населения оказывают качественные социальные услуги и меры социальной поддержки	0,795	4,70	0,002
Система правосудия независима и справедлива, соблюдаются права и свободы, равенство граждан перед законом	0,768	4,28	0,000
Граждане принимают участие в обсуждении принимаемых властью решений и контроле за их исполнением	0,762	3,70	0,000

¹ Уточним, что опросы в регионе проходили в 2019 г., за год до начала массового протестного движения, связанного с «делом Фургала», но их результаты четко показывают общественные настроения, царившие в обществе накануне протестной волны.

Таблица 2 (продолжение)

Показатель	ФА (нагрузка)	Среднее значение (объединенные данные)	Региональ- ные различия (F, p-value)
Средства массовой информации объективны и независимы, они правдиво освещают события	0,754	3,72	0,000
Граждане имеют возможность объединяться для решения общих проблем	0,742	4,59	0,048
Отношения между людьми основаны на доверии, сотрудничестве и взаимопомощи	0,727	4,48	0,000
В регионе создана эффективная система профилактики межнациональных конфликтов, поддержки и развития национальных культур	0,719	5,14	0,000
Населению доступны качественные медицинские услуги (диагностика, лечение), в том числе высокотехнологичная медицинская помощь	0,707	3,65	0,545
Продукты питания в магазинах отвечают санитарным нормам, безопасны для жизни и здоровья	0,695	4,50	0,0001
Банковская система надежна, вклады и накопления граждан защищены	0,671	4,84	0,593
Дороги и транспортная инфраструктура хорошо развиты, общественный транспорт доступен	0,659	4,05	0,0001
В регионе эффективно осуществляется природоохранная деятельность, контроль за загрязнением воздуха, воды	0,654	3,91	0,0001
В регионе создана эффективная система противодействия природным катаклизмам (землетрясениям, лесным пожарам, наводнениям, ураганам и пр.)	0,649	4,82	0,002

На основе полученных результатов была построена модель взаимосвязи личных оценок безопасности граждан (зависимая переменная) и субъективных и объективных факторов, которые могли бы повлиять на распределение этих оценок, включая социально-демографические и поселенческие факторы (пол, возраст, место проживания — городские или сельские поселения), экономические и культурные (уровень дохода, религиозность, уровень образования), оценки сформированности условий для обеспечения безопасности граждан в регионе (оценки по общему фактору), удовлетворенность различными аспектами жизни, оценки доверия к государственным

и общественным институтам. Для отсеивания незначимых факторов применялись шаговые методы отбора (прямой условный отбор). Полученная модель корректно предсказывала 70% ответов по зависимой переменной (чуть лучше для тех, кто чувствовал себя в безопасности — 77,8%) и объясняла 33,0% ее дисперсии.

Финальная модель включала девять значимых факторов, определяющих оценки личной безопасности граждан, проживающих в шести приграничных регионах.

Наиболее значимый фактор — оценка выраженности условий, необходимых для обеспечения жизни и здоровья граждан, удовлетворения их материальных и духовных потребностей, общественного порядка, устойчивого культурного и экономического развития региона ($B = 0,665$, $p < 0,0001$). Как уже было отмечено выше, реальная выраженность большинства условий, по мнению значительной части граждан, оставляет желать лучшего, что негативно сказывается на самочувствии населения, уверенности людей в безопасности собственной жизни, жизни своих близких и формирует общее отношение к региону как «небезопасному месту».

Моделирование показало, что оценки безопасности имеют существенную гендерную детерминацию: мужчины чувствуют в среднем себя в гораздо большей безопасности (64,1% положительных ответов), чем женщины (только 56,2%). Более того, они чаще подвергаются дискриминации из-за своего возраста (15,4% по сравнению с 12,1% среди мужчин) и почти в три (!) раза больше испытывают трудности из-за гендерных предрассудков (10,4%, в группе мужчин — 3,6%). Среди демографических факторов достоверную значимость также имел фактор возраста, и эта взаимосвязь имела отрицательный характер: молодежь до 30 лет ощущала себя в большей безопасности (63,9% положительных ответов), чем представители других возрастных групп (в группе 31–49 лет — 57,4%, в группе 50+ — 58,6%).

Социальная безопасность — это интегральное качество социальных отношений, обеспечивающее свободу от рисков и опасностей современного общества, защиту от уязвимостей, возможности личностного и общественного роста. Будучи детерминированной множеством факторов, социальная безопасность гарантирует и защиту от социального неравенства и исключенности, однако на деле вопрос о том, «насколько безопасное безопасно» (How safe is safe enough?), подразумевает и постановку другого вопроса: как в обществе распределяется безопасность и какие группы оказываются лишены базовых ресурсов, позволяющих достичь минимального уровня безопасного существования?

К сожалению, результаты опросов в приграничных регионах свидетельствуют о том, что личная безопасность в значительной степени зависит от обладания материальными ресурсами и что финансовая обеспеченность выступает гарантом безопасной жизни, тогда как бедность выступает фактически синонимом опасности. Так, в группе респондентов с высокими доходами «не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают») доля положительных ответов на вопрос о безопасности составила 80,0%, в группе «обеспеченных респондентов» — 70,3%, тогда как в группе бедных («живу очень бедно, фактически голодаю, денег иногда не хватает даже на питание, имевшиеся ранее накопления кончились», или «денег хватает только на скромное питание, оплату коммунальных услуг» — 29–33%.

Еще одной находкой нашего моделирования стала взаимосвязь между оценками безопасности и удовлетворенностью уровнем здоровья, достигнутого образования и профессионального развития (удовлетворенность человеческим капиталом — ЧК): в группе респондентов с низкими оценками безопасности фактор удовлетворенности ЧК был отрицательным ($-0,33$), тогда как в группе с высокими оценками — положительным ($0,27$), что, несомненно, доказывало, что механизм обеспечения социальной безопасности должен включать не только нормативно-правовые, но и социокультурные компоненты.

В security studies практически не подвергается сомнению положение о линейной связи между безопасностью и доверием, несмотря на то что концепт доверия является довольно размытым, не всегда понятно, что подразумевается под доверием, к кому и кем оно выражается и как знание о доверии можно использовать для того, чтобы сделать общество более безопасным (Bilgic, Hoogensen Gjørvt, Wilcock, 2019). В проведенном исследовании мы включили в регрессионную модель различные виды доверия в качестве предикторов оценок личной безопасности и выявили, что безопасность для региональных социумов ассоциируется как с обобщенным доверием граждан, выступающим, таким образом, его значимым индикатором, так и с доверием к различным государственным институтам. В частности, было обосновано, что безопасность зависит от уровня доверия к федеральным органам власти, вооруженным силам и Росгвардии, представляющим ключевые элементы государственной системы национальной безопасности (таблица 3).

Таблица 3.

Финальная модель оценок безопасности
в приграничных регионах (объединенные данные)

Фактор	B	Среднеквадратичная ошибка	Значение	Exp (B)
Оценки условий для обеспечения безопасности в регионе	0,665	0,087	0,0001	1,944
Пол	0,453	0,115	0,0001	1,573
Возраст	- 0,015	0,004	0,0001	,985
Материальное положение	0,217	0,100	0,031	1,242
Доверие к федеральным органам власти (Правительство, МВД России, МИД России, Минюст России, Минздрав России и др.)	0,314	0,092	0,001	1,369
Доверие к Росгвардии	0,291	0,089	0,001	1,338
Удовлетворенность человеческим капиталом	0,259	0,067	0,0001	1,296
Доверие к Вооруженным силам	0,213	0,082	0,009	1,238
Обобщенное доверие	0,085	0,028	0,003	1,089

Заключение

Социальная безопасность регионального социума — это состояние исторически сложившегося социокультурного общества, способного выстроить свои отношения таким образом, чтобы они не разрушали и его устройства, и социального положения индивида. Система социальной безопасности основывается на потребностях индивида и формируется на основе функционирования социального механизма, ключевую роль в котором играют общественные и государственные институты, взаимоотношения между социальными группами, формирующими социальную структуру регионального общества, а также поведенческие стратегии граждан, ориентированные либо на повышение уровня своей безопасности в рамках существующей системы безопасности (саморегуляцию и самобезопасность), либо на рискованные практики, разрушающие эту систему. При этом положение индивида рассматривается как совокупность необходимых для индивида условий жизни, выражающих одновременно и потребности регионального социума, и потребности самого индивида. Тем самым социальная безопасность регионального социума — понятие, которое характеризует социальный порядок, систему необходимых обществу социальных положений и систему социальной защиты.

Проведенные в шести приграничных регионах опросы населения показали, что социальная безопасность в приграничных регионах имеет сильную социально-экономическую детерминированность, ее основные угрозы так или иначе связаны с низким уровнем жизни, слабым доступом к базовым социальным услугам, недостаточно развитыми возможностями получения образования и культурного развития, экологическими проблемами. Именно риски реализации данных угроз оцениваются как наиболее вероятные. Одновременно с этим, независимо от уровня социально-экономического положения, социальная безопасность тесно связана с миграционными процессами, негативный характер которых (интенсивный отток населения) приводит к качественным трансформациям социальной структуры, ослабляет человеческий потенциал, необходимый для регионального развития. К сожалению, наиболее уязвимой и подверженной указанным рискам социальной группой населения является молодежь, реагирующая на ситуацию предельно рациональным и типичным для многих стран и регионов способом. С другой стороны, по мере удовлетворения экономических потребностей в регионах с более высоким уровнем экономического и социального развития (пример Хабаровского края) формируются и запросы населения на более активное участие в жизни региона, происходит усиление гражданского общества, что сопровождается переключением внимания граждан на существующие проблемы в сфере общественного контроля, обеспечения общественно-политических прав и свобод, оценку нормотворческой деятельности.

Персональный риск обычно оценивается населением как менее выраженный по сравнению с рисками, приписываемыми другим жителям региона, что приводит к недооценке рискованных ситуаций. Наибольшие различия наблюдаются по рискам, непосредственно затрагивающим социальные отношения и нормативные основы социальных взаимодействий и систему социальной безопасности: стать оди-

ноким, никому не нужным, отверженным, стать объектом травли, издевательств и унижения, потерять работу, источники дохода, стать должником, банкротом, попасть в поле зрения коллекторских агентств, стать алкоголиком, наркоманом, душевнобольным, потерять жилье, остаться на улице, стать жертвой мошенников. Противоречивый характер индивидуальных оценок, сочетание пессимистического отношения к региону и другим людям и неоправданного оптимизма по отношению к собственной жизни является типичной реакцией на крайнюю неопределенность окружающего мира и желание создать вокруг себя хотя бы иллюзию порядка и безопасности, что проявляется в слепой уверенности в том, что «меня это не коснется».

Функционирование социального механизма обеспечения безопасности на региональном уровне имеет выраженную региональную дифференциацию и характеризуется общим неверием населения в то, что государство способно защитить их интересы. Специфика региональных угроз (таких, например, как природные катастрофы в Амурской области, проблемы правосудия в Хабаровском крае, экологические проблемы в Омской и Оренбургской областях, проблемы социальной поддержки и качества социальных услуг, доверия и сотрудничества между гражданами в Алтайском крае) требует его перенастройки на региональном уровне с учетом актуальных потребностей граждан, однако в настоящих условиях действие механизма разворачивается только по общегосударственному сценарию. Помимо ориентации на региональные нужды требуется и учет индивидуальных факторов безопасности, связанных с поколенческими, гендерными и культурными особенностями. Особенно важной, на наш взгляд, является выявленная связь между социальной безопасностью и уровнем доверия, а также между безопасностью и удовлетворенностью населения своим человеческим капиталом, что указывает на необходимость качественной трансформации системы обеспечения социальной безопасности. Представляется, что эта трансформация, помимо устранения социально-экономических угроз, должна идти по линии усиления социокультурных основ безопасности, создания условий для интеллектуального, духовного и нравственного развития и совершенствования граждан, что позволит приграничным регионам из зон социального бедствия превратиться в центры притяжения инноваций и талантливой молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горбунова А.А., Борисова О.В., Максимова С.Г. Социальная безопасность приграничных регионов России. Политика и общество, 2019, № 1, 36–45.

Кашник О.И., Брызгалина, А.А. Социальная безопасность: теоретические аспекты. Образование и наука, 2013, № 3, 98–110.

Никулина М.А., Колодиев М.Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения. Манускрипт, 2017, 4 (78), 153–157.

Ноянзина О.Е. К концептуализации понятия «социальная безопасность региональных социумов». Известия Алтайского государственного университета, 2013, 2 (78), 209–213.

О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Омской области в 2020 году: Государственный доклад. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Омской области, 2021.

Об утверждении государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае» (с изменениями на 5 марта 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/561755686/titles/QFUPH4>

Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388022>

Панарин С., Есимова А. Дискурсивный анализ безопасности: дефиниция как элемент культуры. В кн: Панарин С. (Ред.). Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 16–33.

Петренко В.Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуально-го сознания. Вопросы психологии, 1982, No 5, 23–35.

Проблемы экологии Омской области. URL: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/problemy-ekologii-omskoj-oblasti/>

Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. (Ред.). Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России: Экспертный доклад за 2019 год. М ; Омск: Издательский центр КАН, 2020.

Шипунова Т.В. Социальная безопасность: тематизация дискуссионного поля. Журнал социологии и социальной антропологии, 2016, 19 (2), 101–112.

Экологические проблемы Оренбургской области. URL: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/ekologicheskie-problemy-v-orenburgskoj-oblasti/>

Bilgic A., Hoogensen G., Wilcock C. Trust, Distrust, and Security: An Untrustworthy Immigrant in a Trusting Community. *Political Psychology*, 2019, 6 (40), 1283–1296.

Bilgin P. Individual and Societal Dimensions of Security. *International Studies Review*, 2003, 5 (2), 203–222. doi:10.1111/1521-9488.502002

Daase C. On paradox and pathologies. A cultural approach to security. In: *Transformations of Security Studies* (pp. 82–93). Routledge, 2015.

Swain A. (2012). *Understanding emerging security challenges: threats and opportunities*. Routledge.

REFERENCES

Gorbunova, A.A., Borisova, O.V., & Maximova, S.G. (2019). Social'naya bezopasnost' prigranichnyh regionov Rossii [Social security in border regions of Russia]. *Politika i obshchestvo*, no 1, 36–45.

Kashnik, O.I., & Bryzgalina, A.A. (2013). Social'naya bezopasnost': teoreticheskie aspekty [Social security: theoretical aspects]. *Education and Science*, no 3, 98–110.

Nikulina, M.A., & Kolodiev M.Yu. (2017). Social'naya bezopasnost' v Rossijskoj Federacii: kriterii, ugrozy, napravleniya obespecheniya [Social security in the Russian Federation: criteria, threats, directions of ensuring]. *Manuskript*, 4 (78), 153–157.

Noyanzina, O.E. (2013). K konceptualizacii ponyatiya «social'naya bezopasnost' regional'nyh sociumov» [About conceptualization of the “social security”]. *Bulletin of the Altai State University*, 2 (78), 209–213.

O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Omskoj oblasti v 2020 godu: Gosudarstvennyj doklad [On the state of sanitary and epidemiological well-being of the population in the Omsk region in 2020: State report]. *Upravlenie Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel'ej i blagopoluchiya cheloveka po Omskoj oblasti* [Office of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare in the Omsk Region], 2021.

Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Altajskogo kraja «Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Altajskom krae» (s izmeneniyami na 5 marta 2021 goda) [On the approval of the state program of the Altai Territory “Implementation of the state national policy in the Altai Territory” (as amended on March 5, 2021)]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/561755686/titles/QFUPH4>

Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Realizaciya gosudarstvennoj nacional'noj politiki» : Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 2016 goda № 1532 [On approval of the state program of the Russian Federation «Implementation of the state ethnic policy»: Resolution of the Government of the Russian Federation of December 29, 2016 No. 1532]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420388022>

Panarin, S., Esimova, A. (2012). Diskursivnyj analiz bezopasnosti: definiciya kak element kul'tury [Discourse Analysis of Security: Definition as an Element of Culture]. In: Panarin S. (Ed.). *Bezopasnost' kak cennost' i norma: opyt raznyh epoh i kul'tur* [Security as a value and norm: the experience of different eras and cultures] (pp. 16–33). Saint-Petersburg: Intersotsis.

Petrenko, V.F. (1982). Eksperimental'naya psihosemantika: issledovaniya individual'nogo soznaniya [Experimental psychosemantics: studies of individual consciousness]. *Voprosy psihologii*, 5, 23–35.

Problemy ekologii Omskoj oblasti [Ecological problems of the Omsk region]. Available at: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/problemy-ekologii-omskoj-oblasti/>

Smirnova, T.B., Stepanov, V.V., & Starchenko, R.A. (Eds.). (2020). *Monitoring mezhetnicheskikh otnoshenij i religioznoj situacii v regionah Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* : Ekspertnyj doklad za 2019 god [Monitoring of interethnic relations and the religious situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report for 2019]. M. ; Omsk: Izdatel'skij centr KAN.

Shipunova, T.V. (2016). Social'naya bezopasnost': tematizaciya diskussionnogo polya [Social Security: Thematisation of the Discussion Field]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 19 (2), 101–112.

Ekologicheskie problemy Orenburgskoj oblasti [Environmental problems of the Orenburg region]. Available at: <http://ecology-of.ru/ekologiya-regionov/ekologicheskie-problemy-v-orenburgskoj-oblasti>

Bilgic, A., Hoogensen G.G., & Wilcock C. (2019). Trust, Distrust, and Security: An Un-trustworthy Immigrant in a Trusting Community. *Political Psychology*, 6 (40), 1283-1296.

Bilgin, P. (2003). Individual and Societal Dimensions of Security. *International Studies Review*, 5 (2), 203–222. doi:10.1111/1521-9488.502002

Daase, C. (2015). On paradox and pathologies: A cultural approach to security. In *Transformations of Security Studies* (pp. 82–93). Routledge.

Swain, A. (2012). *Understanding emerging security challenges: threats and opportunities*. Routledge.